

Олеся ЖЕЛЕЗНЯК:

Век, Москва - 2000 -
2 авг. - с. 4

МЫ С ПОДРУГОЙ ДОГОВОРИЛИСЬ

НЕ ЗАВИДОВАТЬ

На репетициях «Шута Балакирева» Марк Захаров не боялся неоднократно называть Олеся Железняк молодым дарованием. Во-первых, характеристика более чем точная. А во-вторых,

от звездной болезни у «молодого дарования» от природы выработан сильнейший иммунитет — чувство юмора, самоирония, вечные сомнения в себе и абсолютная естественность. Ее «ленкомовская» карьера началась, как и положено, с ввода — но сразу в «Жестокие игры». За два года в театре она сыграла еще две роли — и обе крупные: в «Шуте Балакиреве» — наивную Дуню, невесту Ивана Балакирева, попавшую в переплет истории, в «Укрощении укротителя» — тетю Бьянку, которая легко управлялась как с накладными бюстом и задом, так и с устройством чужих судеб. Добавьте сюда роли в антрепризах и в Центре драматургии и режиссуры (спектакль на двоих «Поцелуй» — своеобразный «путеводитель» по разным типам любовных отношений), в фильмах «Витрина» и «Ландыш серебристый». И картина счастливой актерской востребованности налицо. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

— Бывают актеры без ярко выраженной характеристики, и при наличии таланта они могут играть самых разных героев. А бывает, наоборот, актер становится заложником своих данных, и режиссеры начинают эксплуатировать только их. Вы не боитесь, что за вами все больше закрепляется амплуа клоунысы и вырваться за эти рамки будет трудно?

— Я не знаю, какое у меня амплуа, — не ощущаю себя каким-то агрегатом для смеха. А когда в зеркало на себя смотришь — вообще не можешь отождествить себя с каким-то амплуа. Недавно прихожу на пробы, режиссер меня увидел, расцвел и прошептал своему помощнику на ухо: «Это она. Точно». Я возгордилась. Дают мне сценарий, читаю, что героиня моя такая страшная. А я-то думала в этот момент, что я прекрасна. Нет, мне не обидно, мне интересно, что человек меня так увидел. Мне уже задавали этот вопрос про амплуа, и я, помню, очень удивилась. Мне кажется, в театре я разные роли играю. В институте вообще Антигону играла, трагическую роль, никто как-то не смеялся.

Но что поделаешь, если меня так видят. Мне часто говорят: надо как-то строить свою карьеру, отказываться от некоторых ролей. Но я не понимаю, от чего отказываться. Читаю сценарий и не могу понять, хорошо получится или плохо. Хотя, конечно, я сама другие фильмы люблю, нежели те, в которых снималась.

— У «Ленкома», с одной стороны, репутация театра очень популярного, с другой стороны — премьер выпускается мало, и актерские простои здесь не редкость.

— Нужно будет найти радость в чем-то другом — в семье, в работе на стороне. Ты живешь в ожидании каких-то событий, но может так случиться, что

ничего у тебя не будет. Когда человек выбирает эту профессию, его ведет чувство, и он не думает, что может быть тяжело.

— Однако в предстоящем сезоне в «Ленкоме» ожидается аж три премьеры — вы заняты где-нибудь?

— У меня будет роль в «Последней жертве» Островского. Хотя тоже нельзя ничего говорить определенно — мы будем репетировать в паре с Натальей Щукиной, моей подругой и очень хорошей актрисой.

— А как же актерская зависть?

— А мы заранее договорились. Я сказала Наташе, что так дорожу нашей дружкой, что распределение ролей в нее не повлияет.

— Марк Анатольевич любит повторять, что многое в развитии человека зависит от того, кто рядом с ним. Он не раз наблюдал, что под влиянием второй половины одни скисали, другие расцветали...

— Мой муж тоже актер, играет в Театре Вахтангова. Вообще-то он не любит, когда я про нас рассказываю. Часто люди, становясь публичными, рассказывают о своей личной жизни, и все у них рушится. Мы познакомилась на вступительных экзаменах. Я хотела учиться в Щуке, он — в ГИТИСе, в итоге он закончил Щуку, а я — ГИТИС. Ходили друг к другу на показы. Мне было очень приятно, что он такой талантливый, и все это видят.

— А если так случится, что ваша карьера сложится удачнее, чем его?

— Мы договоримся. Сейчас, например, он снимается и еще одно предложение получил. А я сижу, как домохозяйка. Дай бог, чтобы у него все сложилось.

— Олеся, вы застенчивы?

— Ужасно. Хотя многие не верят — если в раж войду, все думают, что я весе-

лая. У меня вообще такое впечатление, что артисты — самые зажатые люди. Если я попадаю в какую-нибудь компанию малознакомых людей, всегда сижу и молчу, даже стараюсь уйти в другую комнату. Люди неартистических профессий играют на гитаре, поют, анекдоты рассказывают, а я с ужасом думаю, что меня сейчас тоже попросят что-нибудь спеть или рассказать. Очень боюсь вопросов вроде: «Как вы работаете над ролью»? Да не знаю, как. Недавно шла мимо ТАССа, а там видел фотографии старых актеров. Сидит Алла Тарасова в кресле, откинувшись, руку с книжкой отставила. И подпись: Алла Тарасова работает над ролью. Мне так смешно стало, когда я представила, как она села, приготовилась.

— Вас на улице уже узнают?

— Узнают, да. На днях пришли ко мне холодильник чинить два очень милых парня. Открываю, а мне говорят: «О, у вас лицо знакомое. Вы в кино не снимались?» Да, говорю, снималась. И тут же выключили. Я слушала их и думала — надо же, как люди нас воспринимают. Вот так пройдет время, и не заметишь, как начнешь странно себя вести. Я сегодня сказала одной женщине: «Моя фамилия пока не известна». И тут же подумала: «Господи, а почему «пока»? Может, она никогда и не будет известной».

Олеся ЖЕЛЕЗНЯК

— Олеся, что вас держит в такую жару в Москве?

— Ожидание съемок. Один фильм по роману Полякова «Замыслил я побег» — тут, я думаю, все состоится. Мне даже роль расширили. А со вторым проектом еще ничего неизвестно. Вообще так бывает — говорят, что тебя утвердили, а потом не звонят. Я стараюсь к этому спокойно относиться — даже рада сейчас, что могу какое-то время побыть домохозяйкой. Хотя боюсь, как бы это не стало «звоночком» — если «слетает» что-то одно, то тут же рушатся все планы, зато в другое время — не знаешь, как увязать все предложения.

— Вы что-то предпринимали специально, чтобы попасть в кино, или вас в театре увидели и пригласили?

— Да нет, все как-то случайно получается. На «Ландыш серебристый», например, меня пригласили, потому что художница по костюмам нашего театра работала там на съемках. И когда отказалась Чулпан Хаматова, предложила режиссеру меня. Вообще я ужасно не люблю пробы, когда надо кому-то что-то про себя доказывать. Соревноваться с кем-то. Сразу становлюсь вялой и думаю: лучше не берите вовсе, чем так. Прихожу тут на последние съемки, а режиссер мне говорит: «Оксан, Оксаночка» — «Я Олеся» — «Ну все равно, вас так много. Ксюш, ты понимаешь, не знаю я, что с тобой делать, с лицом твоим, с патлами твоими. Я бы тебя, конечно, не взял, но мне тебя порекомендовали». После такого вступления я уже ничего не могу делать. Но все равно беру текст (что-то вроде: «тебя как зовут?» — «а тебя?» — «меня так-то» — «а меня вот так»), пытаюсь проиграть. А режиссер мне говорит: «Оль, ты знаешь, ты по правденке пошла. По правдушке существуешь. А ты приподними!» Ты не говори «какой», ты говори (с пафосом) «КАКОЙ».

Ладно, сняли проб пять, в том числе и с партнером. Меня уже со спины снимают, я только партнеру помогаю. Режиссер потом смотрит пробу, партнера хвалит, а мне: «Ириш, а ведь ты ему мешала». Ну что тут скажешь.

— А как вы пришли в театр: «драмкружок, кружок по фото» или родительские гены сказались?

— Нет, родители у меня к театру отношения не имеют, и две старшие сестры — тоже. Я сначала в Плехановский поступала — для мамы. С педагогом занималась, даже на экзамен по математике сходила, но за результатом уже не пошла. Потом случайно встретила свою подругу, и она посоветовала поступать в училище культуры на хореографию. Получившись там, поняла, что мне это неинтересно. Поступала в ГИТИС к Гончарову, но на конкурсе так зажалась, что мне хотелось только поскорее уйти, лишь бы все это закончилось. Очень хотела в Щуку поступить и так старалась понравиться, что у меня ничего не получилось. На экзамене читала «Руслана и Людмилу» — через строчку, а то и две, минуя рифму, лишь бы сюжет сохранился. Меня остановили, отругали — нельзя, мол, так с русской литературой и указали на дверь. (Уже потом на третьем курсе я пришла в Щуку на конкурс чтецов с рассказом Бабеля «Иисусов грех» — получила третью премию. И тот же педагог, который меня тогда ругал, забыв ту историю, очень меня хвалил). В конце концов поступила к Захарову.